

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
К60

Suzanne Collins
THE HUNGER GAMES
CATCHING FIRE
MOCKINGJAY

Перевод с английского

*А. Шипулина («Голодные игры», «Сойка-пересмешница»),
Ю. Моисеенко («И вспыхнет пламя»),
М. Головкина («Сойка-пересмешница»)*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Intercontinental Literary Agency Limited и Andrew Nurnberg.

Коллинз, Сьюзен.
К60 Голодные игры. И вспыхнет пламя. Сойка-пересмешница :
[перевод с английского] / Сьюзен Коллинз. — Москва: АСТ,
2015. — 894, [2] с.

ISBN 978-5-17-078975-7

Эти парень и девушка знакомы с детства и еще могут полюбить друг друга, но им придется стать врагами. По жребии они должны участвовать в страшных Голодных играх, где побеждает только один — таков закон, который не нарушался еще никогда...

Китнисс и Пит выжили — заставили признать победителями их обоих.

Но многие из тех, кому не нравится победа, считают парня и девушку опасными. У этих людей хватает силы и власти, чтобы с легкостью убить и Пита, и Китнисс. Но никому не под силу их разъединить...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Suzanne Collins, 2008, 2010

© Lions Gate Films, Inc., 2011

Школа перевода В. Баканова, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ГОЛОДНЫЕ ИГРЫ

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Многие спрашивают, как мне пришла в голову идея написать «Голодные игры», первый роман моей новой трилогии для юношеской аудитории. Наверное, их удивляет то, что эта книга так мало похожа на мои романы о Грегоре Надземном, предназначенные для младших школьников.

Трудно назвать какую-то одну причину. Наверное, первые семена были посеяны еще в детстве, когда в возрасте восьми лет я увлеклась мифологией и прочитала историю о Тесее. Миф рассказывает о том, как в наказание за прошлые провинности афиняне должны были в определенные годы посылать на Крит семь юношей и семь девушек. Там их бросали в Лабиринт, обрекая на съедение чудовищу Минотавру. Уже тогда, в третьем классе, я осознала безжалостный смысл этого требования: попробуйте тронуть нас, и мы не просто убьем вас, мы будем убивать ваших детей.

Также в детстве я смотрела очень много фильмов о гладиаторах: древние римляне умели превращать казни в массовые развлечения. На каникулах мы часто ездили с отцом, военным специалистом и историком, к местам известных сражений, а в старших классах я много путешествовала с фехтовальным обществом. Но непосредственным толчком послужил сравнительно недавний случай: сидя у телевизора

.....
и щелкая пультом, я вдруг перескочила с реалити-шоу на репортаж о реальных военных действиях. Тогда-то и родилась история Китнисс.

Возможно, потому, что книга написана от первого лица, Китнисс очень близка моему сердцу. Надеюсь, она найдет путь и к вашему.

С наилучшими пожеланиями,

Сьюзен Коллинз

Посвящается Джеймсу Проймосу

Часть I

ТРИБУТЫ

1

Я просыпаюсь и чувствую, что рядом на кровати пусто. Пытаюсь нащупать тепло Прим, но под пальцами лишь шершавая обивка матраса. Должно быть, сестренке снились кошмары, и она перебралась к маме. Неудивительно — сегодня День Жатвы.

Приподнимаюсь на локте и вижу их в полумраке спальни: Прим, свернувшись калачиком, тесно прижалась к матери, щека к щеке. Во сне мама выглядит моложе — осунувшейся, но не измотанной. Лицо Прим свежо, как капля росы, и красиво, как цветок примулы, давшей ей имя. Мама тоже когда-то была красавицей. Так мне говорили.

У ног Прим устроился ее верный страж — самый уродливый кот в мире. Нос вдавлен, половина уха оторвана, глаза цвета гнилой тыквы. Прим назвала его Лютик — она почему-то уверена, что шерсть у него золотистая, а не грязно-бурая.

Кот меня ненавидит. По меньшей мере не доверяет. Уже несколько лет прошло, а помнит, наверное, как я хотела утопить его в ведре, когда сестра притащила его котенком в дом. Тощего, блохастого. От глистов чуть не лопался. Только такого нахлебника мне и не хватало! Но Прим так упрашивала, плакала... Пришлось оставить. Может, оно и к лучшему. Есть кому мышей ловить. Кот оказался прирожден-

.....
ным охотником. Бывает, даже с крысами справляется. Паразитов мама ему вывела.

Когда потрошу добычу, я иногда бросаю Лютику внутренности. А он перестал на меня ощетиливаться. Вот и всё. Похоже, наши взаимные симпатии этим и ограничатся.

Я спускаю ноги с кровати и обуваюсь. Мягкая кожа охотничьих ботинок приятно облегает ступни и голени. Надеваю брюки, рубашку, прячу длинную темную косу под шапку и хватаю рюкзак. На столе под перевернутой деревянной миской — чтобы крысы или какие-нибудь голодные коты не добрались — лежит кусочек козьего сыра, обернутый листьями базилика, подарок от Прим ко Дню Жатвы. Я бережно кладу его в карман и выскальзываю на улицу.

Мы живем в Дистрикте-12, в районе, прозванном Шлак. По утрам здесь обычно полно народу. Шахтеры торопятся на смену. Мужчины и женщины с согнутыми спинами, распухшими коленями. Многие уже давно оставили всякие попытки вычистить угольную пыль из-под обломанных ногтей и отмыть грязь, въевшуюся в морщины на изможденных лицах.

Сегодня черные, усыпанные шлаком улицы безлюдны. Окна приземистых серых домишек закрыты ставнями. Жатва начнется в два. Можно и поспать. Если получится.

Наш дом почти на окраине Шлака. Проходишь всего несколько ворот, и ты уже на Луговине — заброшенном пустыре. За Луговиной — высокий сетчатый забор с витками колючей проволоки поверху. Там заканчивается Дистрикт-12. Дальше — леса. Задумывалось, что все двадцать четыре часа в сутки забор будет под напряжением, чтобы отпугивать хищников: диких собак, кугуаров-одиночек, медведей. А то они раньше к самым домам подбирались. Только так уж нам везет, что электричество дают всего на два-три часа по вечерам, поэтому забора можно не опасаться. Все равно всегда останавливаюсь и слушаю — на всякий случай. Не гудит, значит, тока нет. Сейчас тихо. Я ложусь на землю и проползаю под забором — тут сетка уже два года как оборвана. И за кустами тебя не видно. Вообще, таких

лазов несколько, но этот ближе всего к дому; зачем ходить дальше?

Оказавшись в лесу, я достаю из дупла старого дерева припрятанные лук и колчан со стрелами. С электричеством или без, забор все-таки отпугивает хищников, в дистрикт они больше не суются. А в лесу им приволье. Тут уж держи ухо востро. Да еще всякая мелочь, больная бешенством, ядовитые змеи. И тропинок почти никаких нет. Зато можно добыть еду, если умеешь. Отец умел. Меня он тоже кое-чему успел научить, пока не случилась та авария в шахте и его не разорвало на кусочки. Даже хоронить оказалось нечего. Мне тогда было одиннадцать. Прошло пять лет, а я все еще просыпаюсь от собственного крика: «Беги!»

Вообще-то по лесам ходить запрещено, а охотиться тем более. Многих это не остановило бы, будь у них оружие, однако не всякий решится пойти на зверя с одним ножом. Мой лук — один из немногих в округе. Еще несколько я аккуратно упаковала в непромокаемую ткань и спрятала в лесу. Все их сделал отец. Он мог бы неплохо зарабатывать на изготовлении луков, но узнай об этом власти, его бы публично казнили за подстрекательство к мятежу.

На тех, кто все-таки охотится, миротворцы в основном смотрят сквозь пальцы. Тоже ведь свежего мяса хотят. По правде говоря, они — наши главные скупщики. Но снабжать Шлак оружием — такого, конечно, никто не допустит.

По осени некоторые сорвиголовы отваживаются пробираться в леса за яблоками. Далеко не заходят, Луговину из глаз не выпускают. Чуть что — сразу обратно, к родным крышам. «Дистрикт-12. Здесь вы можете подышать от голода в полной безопасности», — бормочу я и тут же оглядываюсь. Даже здесь, в глуши, боишься, что тебя кто-нибудь услышит.

Когда я была поменьше, я ужасно пугала маму, высказывая все, что думаю о Дистрикте-12 и о людях, которые управляют жизнью всех нас из далекого Капитолия — столицы нашей страны Панем. Постепенно я поняла, что так

нельзя: можно навлечь беду. Научилась держать язык за зубами и надевать маску безразличия, чтобы было непонятно, о чем я думаю. В школе стараюсь не высовываться. На рынке иногда поболтаю с кем-нибудь из вежливости, и то в основном о делах в Котле — это наш черный рынок, деньги у меня по большей части оттуда. Дома я, конечно, не такая пай-девочка, тем не менее ни о чем таком стараюсь не распространяться — о Жатве, например, о нехватке продуктов, о Голодных играх. Вдруг Прим станет повторять мои слова — и что тогда с нами будет?

В лесу меня ждет единственный человек, с кем я могу быть сама собой. Гейл. И сейчас, когда я карабкаюсь по холмам к нашему месту — скалистому уступу высоко над долиной, скрытому от чужих глаз густым кустарником, у меня будто груз сваливается с плеч, и шаги становятся быстрее. Я замечаю Гейла издали и невольно начинаю улыбаться. Гейл говорит, что улыбаюсь я только в лесу.

— Привет, Кискисс, — кричит он.

На самом деле мое имя Китнисс, но, когда мы знакомилась, я его едва прошептала, и ему послышалось «Кискисс». А потом еще ко мне какая-то глупая рысь привязалась, думала, ей что-нибудь перепадет от моей добычи. Вот все и подхватили это прозвище. Рысь в конце концов пришлось убить — всю дичь распугивала. Даже жалко, с рысью как-то веселее было. Шкуру я продала, и неплохо.

— Гляди, что я подстрелил.

Гейл держит в руках буханку хлеба, из которой торчит стрела. Я смеюсь. Хлеб настоящий, из пекарни, совсем не похож на те плоские липкие буханки, что мы печем из пайкового зерна. Я беру хлеб, вытаскиваю стрелу и с наслаждением нюхаю. Рот сразу наполняется слюной. Такой хлеб бывает только по особым праздникам.

— М-м... еще теплый, — восхищаюсь я. Гейл, наверное, еще на рассвете сбегал в пекарню, чтобы его выторговать. — Сколько отдал?

— Всего одну белку. Старик сегодня что-то больно добрый. Даже удачи пожелал.

— В такой день мы все чувствуем близость друг друга, верно? — говорю я и даже не закатываю при этом глаза. — Прим оставила нам сыра. — Я достаю из кармана сверток.

Гейл радуется еще больше.

— Спасибо ей. Да у нас настоящий пир. — Он вдруг начинает говорить с capitoлийским акцентом и пародировать Эффи Бряк — неукротимо бодрую даму, каждый год приезжающую объявить имена к очередной Жатве. — Чуть не забыла! Поздравляю с Голодными играми. — Гейл срывает несколько ягодин с окружающего нас ежевичника. — И пусть удача...

Он подбрасывает ягоду, и когда она, описав высокую дугу, летит в мою сторону, я ловлю ее ртом и, прокусив нежную кожицу, ощущаю терпкую сладость на языке.

— ...всегда будет на вашей стороне! — заканчиваю я с тем же энтузиазмом.

Нам не остается ничего другого как шутить. Иначе можно сойти с ума от страха. К тому же capitoлийский выговор такой жеманный — что ни скажи, все смешно выходит.

Я смотрю, как Гейл вытаскивает нож и нарезает хлеб. Гейл вполне мог бы сойти за моего брата. Прямые черные волосы, смуглая кожа, даже глаза как у меня — серые. Однако мы не родственники, во всяком случае не близкие. Большинство семейств, работающих на шахтах, похожи друг на друга. Потому-то моя мама и Прим со своими светлыми волосами и голубыми глазами всегда смотрелись здесь чужаками. Чужаки они и есть. Родители мамы принадлежали к маленькому клану аптекарей, обслуживающему чиновников, миротворцев и пару-тройку клиентов из Шлака, и жили в другом, более престижном районе Дистрикта-12. Доктора мало кому по карману, так что лечимся мы у аптекарей. Мой будущий отец собирал в лесах целебные травы и продавал в аптеку. Там они с мамой и познакомились. Мама, видно, здорово его любила, раз согласилась поменять родной дом на Шлак. Я пытаюсь вспомнить что-то из их совместной жизни, а перед глазами лишь бледная женщина с непроницаемым лицом, которая сидит и смотрит,